

A person wearing a dark, hooded cloak stands on a wet, cobblestone street, looking out over a vast, futuristic city. The city is built with tall, dark, metallic structures that resemble ancient ruins or advanced technology. A massive, ancient stone column stands prominently on the left side of the frame, its surface weathered and textured. The sky is a deep, dark blue with streaks of light, suggesting a night scene. The overall atmosphere is mysterious and epic.

Искандер Арысов

Город из костей и снов

Искандер Арысов

Город из костей и снов

<https://litres.ru/74228007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глубоко под поверхностью океана лежит Некрополь — город из костей китов, умиравших здесь 5 300 000 лет.

Юный китёнок Лянь, чьё имя означает «Серебряная нить», одержим тайной: куда уходят старые киты? Мать и отец запрещают ему думать об этом, старейшины хранят молчание. Но Лянь решается на дерзкое путешествие — он тайно следует за старыми китами в их последний путь.

То, что он обнаруживает в глубине, превосходит все ожидания. Некрополь — не просто кладбище, а целый мир, где смерть становится фундаментом новой жизни. Кости превращаются в дома, плоть — в пищу для миллионов существ, бактерии зажигают огни в темноте.

Вернувшись, Лянь сталкивается с мучительным выбором: рассказать страшную правду о разложении или сохранить сердца сородичей в неведении, подарив им прекрасную легенду.

Это история о том, что конец всегда становится началом. Для тех, кто готов услышать голос океана.

Искандер Арысов

Город из костей и снов

Пролог. Сны, упавшие на дно

I

В начале была тьма.

Не та тьма, что приходит с закатом и уходит с рассветом, не та тьма, что прячется в пещерах и глубинах, не та тьма, что живёт в сердцах существ, когда они теряют надежду. Это была другая тьма — первозданная, бесконечная, вечная. Тьма, которая была до того, как зажглись первые звёзды. Тьма, которая была до того, как океан впервые вздохнул. Тьма, которая была до того, как жизнь осмелилась появиться на свет.

В этой тьме не было ни звука, ни движения, ни времени. Было только ожидание — долгое, бесконечное ожидание того момента, когда что-то изменится. Когда тьма уступит место свету. Когда тишина уступит место песне. Когда пустота уступит место жизни.

И этот момент настал.

Из глубин этой первозданной тьмы родился свет — не яркий, не ослепительный, а мягкий, тёплый, похожий на дыхание самой вселенной. Он разлился по океану, наполняя его жизнью, наполняя его звуками, наполняя его мечтами.

И среди этих мечтаний, среди этих снов, которые плавали в первобытных водах, родились первые киты.

Они были не такими, какими мы знаем их сейчас. Они были больше, древнее, таинственнее. Их песни были сложнее любой симфонии, их мудрость была глубже любого знания, их любовь была сильнее любого океана.

И они знали тайну.

Они знали, что смерть — это не конец. Они знали, что конец — это только начало. Они знали, что каждый из них оставит после себя след, который будет существовать вечно. И они приняли эту тайну, как принимают дыхание, как принимают свет, как принимают любовь.

И они начали петь.

II

Песни первых китов были не похожи на песни, которые мы знаем сейчас. Они были чище, древнее, проникновеннее. Они говорили о звёздах, которые ещё не родились. Они говорили о планетах, которые ещё не сформировались. Они говорили о жизни, которая ещё не появилась.

Они говорили о всём, что было, и о всём, что будет.

Слушая эти песни, океан научился дышать в такт их ритму. Слушая эти песни, ветер научился петь в унисон с их голосами. Слушая эти песни, сама планета начала вращаться быстрее, потому что музыка наполняла её сердце радостью.

Но даже у самых прекрасных песен есть конец. Даже у самых мудрых существ есть свой срок. И когда первые киты почувствовали, что их время подходит к концу, они не испугались. Они не заплакали. Они не стали бороться за каждый

лишний миг жизни.

Вместо этого они приняли свою судьбу.

Они знали, что их смерть не будет концом. Они знали, что их тела станут пищей для миллионов существ. Они знали, что их кости станут домом для целых экосистем. Они знали, что их песни будут жить в тех, кто придёт после них.

И они уплыли вниз, в глубину, где тьма была такой же древней, как они сами.

Они упали на дно, и их тела начали разлагаться. Миксины пришли, чтобы обглодать их плоть. Крабы пришли, чтобы доесть остатки. Черви пришли, чтобы врасти в их кости и высасывать жир. Бактерии пришли, чтобы покрыть их скелеты и начать светиться в темноте.

Но это не было разрушением. Это было созиданием.

Потому что из их разложения родилась жизнь. Миллионы существ начали процветать вокруг их костей. Целые экосистемы начали формироваться внутри их черепов. И эти экосистемы были такими же сложными и прекрасными, как песни, которые они пели, когда были живы.

И так родился Некрополь.

III

Некрополь рос медленно, как растёт коралл, как растёт звезда, как растёт любовь. Каждый новый кит, который умирал, добавлял в него что-то своё. Каждая новая кость, которая падала на дно, становилась частью этого великого города. Каждая новая жизнь, которая рождалась вокруг этих ко-

стей, становилась частью этого вечного цикла.

Проходили тысячелетия. Океан менялся, континенты двигались, климат становился то теплее, то холоднее. Но Некрополь продолжал существовать. Он был не просто местом, он был сущностью. Он был душой океана. Он был памятью всего, что когда-либо жило в этих водах.

И каждый, кто плыл над ним, чувствовал его присутствие. Каждый, кто пел свои песни, слышал его эхо. Каждый, кто любил, знал, что его любовь будет жить здесь вечно.

Потому что Некрополь был не просто кладбищем. Он был мостом. Мостом между жизнью и смертью. Мостом между прошлым и будущим. Мостом между китами и людьми, которые придут через миллионы лет, чтобы изучать их кости и пытаться понять их песни.

IV

Но люди пришли не для того, чтобы разрушать. Они пришли, чтобы понять. Они спускались в глубину в своих металлических аппаратах, они смотрели на кости с благоговением, они записывали каждую песню, которую слышали.

И в процессе этого понимания они научились видеть то, чего не видели раньше. Они увидели, что киты — это не просто животные. Они увидели, что киты — это хранители знаний. Они увидели, что киты — это голос самой планеты.

И они поняли, что все мы связаны.

Связаны невидимыми нитями, которые проходят через время и пространство. Связаны песнями, которые звучат в

каждой волне. Связаны любовью, которая не знает границ.

И они поняли, что Некрополь — это не просто место. Это символ. Символ того, что смерть — это не конец. Символ того, что конец — это только начало. Символ того, что каждый из нас оставляет после себя след, который будет существовать вечно.

V

Теперь, когда мы смотрим на океан, мы видим только его поверхность. Мы видим волны, которые танцуют под солнцем. Мы видим глубину, которая прячется под ними. Мы видим тайну, которая ждёт, чтобы её открыли.

Но если мы прислушаемся, если мы закроем глаза и позволим себе услышать, мы услышим песни. Песни китов, которые плавали в этих водах миллионы лет назад. Песни китов, которые плавают сейчас. Песни китов, которые будут плавать через миллионы лет.

И в этих песнях мы услышим голос Некрополя. Голос, который говорит нам, что мы все связаны. Голос, который говорит нам, что смерть — это не конец. Голос, который говорит нам, что любовь вечна.

Потому что Некрополь — это не просто кладбище.

Это сон, который стал реальностью.

Это песня, которая никогда не замолкнет.

Это любовь, которая будет длиться 5 300 000 лет.

И дольше.

VI

Однажды, когда последний кит уплывёт в глубину, когда последняя песня замолкнет, когда последняя звезда погаснет на небе, Некрополь всё ещё будет существовать. Его кости будут лежать на дне, покрытые илом и временем. Его символы будут ждать тех, кто придёт, чтобы прочесть их.

И каждый, кто увидит эти кости, каждый, кто коснётся их, каждый, кто услышит их песню, поймёт одну простую истину:

Мы не одни. Мы никогда не были одни. Мы всегда были частью чего-то большего. Мы всегда были частью этого великого цикла, который начался в первозданной тьме и который будет длиться до тех пор, пока существует вселенная.

И это — самое прекрасное знание, которое мы можем обрести.

Знание о том, что даже в смерти есть жизнь.

Знание о том, что даже в конце есть начало.

Знание о том, что даже в одиночестве есть связь.

Знание о том, что мы все — одно целое.

VII

Итак, откройте эту книгу. Позвольте её страницам унести вас в глубины, где лежат кости древних китов. Позвольте её словам стать вашим проводником в этом великом путешествии.

Вы увидите Некрополь глазами тех, кто его видел. Вы услышите его песни ушами тех, кто их слышал. Вы почувствуете его душу сердцем тех, кто её чувствовал.

И когда вы закроете последнюю страницу, вы уже не будете прежними. Потому что вы узнаете тайну, которую знали киты миллионы лет назад.

Тайну о том, что смерть — это не конец.

Тайну о том, что конец — это только начало.

Тайну о том, что мы все связаны.

Все мы — часть одного целого.

Все мы — часть Некрополя.

Все мы — часть вечности.

Этот пролог посвящается всем существам, которые когда-либо жили, умирали и возрождались в бесконечном цикле жизни. И особенно — китам, которые научили нас петь даже в темноте.

Глава первая. Тень, упавшая в бездну

I

Тёплые воды экваториального течения колыхались в такт дыханию стаи. Солнечный свет проникал сквозь толщу воды на сотни метров, окрашивая мир в бесконечные оттенки синего — от ослепительно-бирюзового у поверхности до густого, почти чёрного сапфира в глубине. Здесь, в верхних слоях океана, где жизнь кипела и бурлила под ласковыми лучами светила, плыли синие киты — величайшие из существ, когда-либо дышавших на этой планете. Их тела, длиной с целый городской квартал, двигались с грацией, которая казалась невозможной для такой массы, и каждая песня, которую они пели, была сложнее любой человеческой симфонии.

Среди них, неотрывно следуя за огромным телом матери, плыл китёнок по имени Лянь — что на древнем языке его предков означало «Серебряная нить». Имя это дали ему не случайно: на левом боку у него от самого глаза до хвоста тянулась тонкая светлая полоса, похожая на нить, выпавшую из ткани самого океана. Лянь был любопытен до одержимости, до боли в молодых костях, до того щемящего чувства, когда вопрос, оставшийся без ответа, превращается в голод, который не утолить даже самым обильным кормлением. Он мог часами следить за стаями рыб, которые вились вокруг его головы, пытаясь понять, что заставляет их двигаться такими безупречными узорами; он мог застыть неподвижно, вслушиваясь в голоса дальних стай, которые доносились через тысячи километров воды, и пытаться разобрать слова их песен; он мог задавать вопросы, которые ставили в тупик даже самых старых и мудрых китов стай.

Его мать, Юэ-Минь — «Лунное зеркало» — часто говорила, что у Ляня слишком много вопросов для одного китёнка. «Ты ищешь ответы там, где их нет», — говорила она, — «или там, где их быть не должно». Но Лянь не мог остановиться. Ему казалось, что мир — это огромная загадка, которую нужно разгадать, и каждая новая истина ведёт к следующей, более сложной. Он хотел знать всё: почему свет преломляется в воде именно так, а не иначе; почему звезды ночью отражаются на поверхности океана, но не видны из глубины; почему старые киты иногда уплывают и не возвращаются, и

куда именно они направляются.

— Мама, — спросил он в очередной раз, когда стоя замедлила ход, пропуская вперёд старых самцов, которые правили их миграцией. — Куда уходят старые киты? Я видел, как дедушка Тайфун уплыл вниз, и больше не вернулся. Он был самым мудрым из всех, я помню его песни о звёздах, которые отражаются в воде, когда ночь опускается на океан. Он рассказывал мне о том, как океан был создан из слёз луны, упавших на землю миллиарды лет назад. Он говорил, что каждая волна несёт в себе память о том, что было в начале времён. Почему он ушёл и не вернулся? Почему никто не говорит, где он теперь?

Мать тяжело вздохнула, выпустив в воду облачко пузырей, которые поднялись к поверхности, лопнув с едва слышимым звуком. Она была старше большинства самок в стае, и её тело хранило шрамы от встреч с косатками и старыми гарпунами, которые люди бросали в океан ещё до того, как научились понимать песни китов. Её глаза видели больше, чем она когда-либо рассказывала, и в глубине этих глаз пряталась тайна, которую она берегла как самое ценное сокровище.

— Лянь, — мягко произнесла она, но в голосе её звучала сталь, которую он не мог не заметить. — Некоторые вопросы не для тех, кто только учится дышать и слышать. Есть вещи, которые мы не обсуждаем с молодыми. Это закон стаи. Ты ещё слишком мал, чтобы понимать, что такое время, что та-

кое конец, что такое... вечность.

— Но почему? — настаивал китёнок, игриво ударяя хвостом по воде, поднимая фонтаны брызг, которые сверкали в солнечных лучах как тысячи алмазов. — Дедушка Тайфун рассказывал мне, что каждый звук в океане — это слово, каждая волна — предложение, а весь мир — это огромная книга, которую нужно научиться читать. Он говорил, что знания — это единственное сокровище, которое не может утонуть. Если мы не знаем, куда уходят наши предки, как мы можем понять, кто мы есть? И что ждёт нас в конце нашего собственного пути?

В этот момент к ним подплыл отец Ляня — Тянь-Лун, «Небесный Дракон». Это был гигант, даже по меркам синих китов; его тело достигало почти тридцати метров в длину, а спина его была покрыта шрамами, которые рассказывали историю сотен битв и миграций через самые опасные воды планеты. Он был вожаком охотничьей группы стаи, и его голос был таким низким и глубоким, что, казалось, заставлял вибрировать сам океан.

— Сын мой, — сказал он, и его голос прозвучал как раскат далёкого грома, — ты задаёшь вопросы, на которые у нас нет ответов, которые мы хотим тебе дать. Мы не скрываем от тебя правду. Мы защищаем тебя от неё. Потому что правда — это не всегда то, что приносит свет. Иногда правда — это груз, который слишком тяжёл для молодых плеч.

— Но я хочу знать! — воскликнул Лянь с отчаянием в

голосе. — Я хочу знать, куда ушли дедушка Тайфун, дедушка Хэ-Синь, все те, кто пел мне песни, когда я был совсем маленьким. Они обещали, что будут следить за мной из-за горизонта. Но горизонт — это не вниз. Горизонт — это там, где небо встречается с водой. А они уплыли вниз, в темноту. Почему?

Тянь-Лун и Юэ-Минь переглянулись. В их взглядах читалась древняя печаль, которую невозможно было скрыть, — такая же глубокая, как те бездны, о которых они не хотели говорить. Эта печаль была старше их самих, она передавалась из поколения в поколение, и каждый кит нёс её в своём сердце, даже когда пел самые радостные песни.

— Там, внизу, — наконец сказала мать, и голос её дрогнул, — только холод и тьма. Там нет солнца, нет планктона, нет песен, которые можно было бы петь. Там нет жизни, которую мы знаем. Там есть только то, что остаётся после того, как жизнь уходит. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Там смерть? — спросил Лянь, и в его голосе звучал вызов.

— Нет, — тихо ответил отец. — Там то, что было жизнью. И это... это нечто большее, чем просто смерть. Когда кит умирает в океане, он не исчезает. Он становится чем-то другим. Он становится... домом. Он становится пищей. Он становится фундаментом для целых миров, которые мы не можем себе представить. Но это не то, что мы должны видеть. Это не для живых.

— Но почему?

— Потому что, — сказал отец с внезапной твёрдостью, — если ты увидишь это, ты уже никогда не сможешь быть просто китёнком, который радуется солнцу и песням. Ты узнаешь, что твои предки — это не просто мудрые голоса из прошлого. Ты узнаешь, что они стали... чем-то другим. И это знание изменит тебя навсегда. Ты не сможешь смотреть на океан теми же глазами. Ты не сможешь петь те же песни. Ты потеряешь часть себя, которую сейчас не ценишь.

Лянь замолчал. Он смотрел на отца и мать, и в его голове проносились тысячи мыслей. Он понимал, что они говорят правду — по крайней мере, ту правду, которую они сами знали. Но он чувствовал, что это только часть истины. Что-то они скрывали. Что-то, что было страшнее того, что они говорили. И это «что-то» манило его сильнее, чем любые запреты.

Прошло несколько недель. Стая пересекала тёплые воды Индийского океана, направляясь к югу, где начинались холодные течения, приносящие богатую пищу. Лянь рос, его тело набирало массу, но любопытство не утихало, а лишь усиливалось с каждым днём. Он начал замечать то, что раньше ускользало от его внимания: старые киты — те, чьи песни становились всё тише, чьи движения — всё медленнее — часто отделялись от стаи и уходили вниз. Им не нужно было объяснять, куда они направляются. Все знали. Но никто не говорил вслух. Это было как табу, как незыблемый закон,

который существовал с незапамятных времён.

Лянь начал следить за этими уходами. Он замечал, что старые киты всегда уходят ночью, когда небо затянуто облаками и луна не освещает поверхность. Они опускаются медленно, почти торжественно, и с каждым десятком метров их тела становятся всё менее различимыми в темноте. Никто не провожает их; никто не поёт им прощальных песен. Они просто исчезают в глубине, как будто их никогда и не было.

Однажды ночью, когда океан был особенно тих, а поверхность воды напоминала чёрное зеркало, в котором отражались только редкие звёзды, Лянь услышал разговор, который не был предназначен для его ушей. Два старых самца, чьи голоса были похожи на скрип древних кораллов, беседовали недалеко от того места, где он дремал, притворяясь спящим.

— Ты слышал о месте? — спросил один, которого звали Хуан-Лун, «Жёлтый Дракон». Его голос дрожал от возраста, и в нём слышалась такая усталость, как будто он нёс на своих плечах всю тяжесть океана.

— О Некрополе? — ответил другой, по имени Цинь-Ши, «Каменный Кит». Его голос был хриплым, как будто он провёл сотни лет, глотая песок. — Кто о нём не слышал? Но мы не говорим о нём молодым. Это не для них. Никогда не было. Никогда не будет.

— Почему? — Хуан-Лун вздохнул, и его дыхание вырвалось на поверхность в виде огромного фонтана, который сверкнул в лунном свете, на мгновение осветив его древнее,

покрытое шрамами тело. — Почему мы скрываем правду? Разве не должны они знать, что там, внизу, их ждёт? Разве не должны они знать, что конец — это не конец, а лишь превращение?

— Там их ждёт не то, что они хотят увидеть, — резко ответил Цинь-Ши. — Там их ждёт не конец, а начало. Но это начало — не для живых. Молодые должны петь о жизни, а не о смерти. Они должны смотреть на солнце, а не в бездну. Если они узнают, что там, они перестанут быть молодыми. Они станут старыми прежде, чем придёт их время. И это... это преступление против самой жизни.

Лянь затаил дыхание, стараясь не выдать себя. Он слышал каждое слово, и каждое слово врезалось в его память, как звук, который невозможно забыть. Его сердце билось быстрее, и он чувствовал, как холодный пот покрывает его кожу — не от страха, а от возбуждения. Он был близок к разгадке. Он чувствовал это.

— Но я слышал, — продолжал Хуан-Лун, понижая голос до едва слышного шёпота, — что есть те, кто плывёт туда не для того, чтобы умереть. Те, кто хочет увидеть. Те, кто хочет знать. Я слышал о китах, которые возвращались из Некрополя. Они приносили с собой истории... страшные истории.

— Ложь, — отрезал Цинь-Ши с такой силой, что его голос эхом разнёсся по воде. — Никто не возвращается из Некрополя. Те, кто говорит, что вернулся, лгут или сошли с ума от тьмы и давления. Там, внизу, нет жизни. Только то, что

было жизнью. Только тени. Только кости. Миллионы костей, которые лежат на дне, покрытые илом и временем, и ждут... ждут, пока их не поглотит земля.

— Но я видел одного, — тихо сказал Хуан-Лун. — Много лет назад, когда я был молод. Он плыл из глубины, и его глаза были широко раскрыты, как будто он видел что-то, что невозможно было увидеть и остаться в здравом уме. Он не говорил ни слова. Он просто плыл рядом со стаей, но никогда не пел. А через неделю он уплыл обратно вниз. И никто его больше не видел.

— Значит, он был уже мёртв, — сказал Цинь-Ши. — Он был мёртв, но его тело ещё не знало об этом. Так бывает. Душа уходит в Некрополь, но тело ещё некоторое время помнит, как дышать. Это не возвращение. Это агония.

Разговор стих, и старые самцы уплыли в темноту, оставив Ляня одного с его мыслями. Он лежал неподвижно, чувствуя, как холодное течение оmyвает его бока, и думал о Некрополе — месте, где покоились его дедушки и бабушки, все те, кого он никогда не знал, но чьи песни передавались из поколения в поколение, как священное наследие.

«Тени, — подумал он. — Кости. Место, откуда никто не возвращается. Но почему? Что там такого страшного? Что заставляет умирать ещё до того, как ты умрёшь? И если там правда так ужасна, почему старые киты идут туда с таким достоинством? Почему они не боятся?»

На следующее утро Лянь подплыл к своему отцу, кото-

рый кормился вдалеке от стаи, в окружении огромных косяков криля, которые кишели в тёплой воде. Тянь-Лун открыл свою гигантскую пасть, вбирая тонны воды, и отфильтровывая пищу через китовый ус, который свисал с его верхней челюсти, как гигантские занавеси. Лянь ждал, пока отец насытится, и только потом приблизился.

— Отец, — начал он осторожно, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и непринуждённо, — я слышал разговор старых китов прошлой ночью. Они говорили о каком-то месте. О Некрополе. Что это такое? Я никогда не слышал этого слова раньше. Или, может быть, слышал, но не понимал, что оно означает.

Тянь-Лун замер, и его огромный глаз уставился на сына с выражением, которое Лянь никогда раньше не видел. В этом взгляде было нечто древнее и глубокое — не гнев, не раздражение, а печаль, которая, казалось, уходила корнями в самое сердце океана, в те времена, когда ещё не было ни китов, ни рыб, ни даже звёзд на небе.

— Кто тебе сказал об этом? — спросил отец тихо, почти шёпотом, но в его голосе слышалась сталь, которая могла резать воду.

— Никто. Я случайно услышал. Я не хотел подслушивать, но голоса были громкими, а ночь была тихой. Я просто лежал и не мог не слышать.

— Случайно, — повторил Тянь-Лун, и в его голосе прозвучала горечь, смешанная с усталостью. — В этом океане

нет ничего случайного, Лянь. Ты слышал то, что должен был услышать. Но я прошу тебя, забудь об этом. Выкинь это слово из своей памяти. Забудь о Некрополе. Это место, куда мы не ходим, пока не наступит наше время. И даже тогда...

— Даже тогда что?

— Даже тогда мы не всегда находим то, что ищем, — закончил отец, и в его голосе прозвучала такая боль, что Лянь вздрогнул. — Иногда мы находим только отражение того, что потеряли. Иногда мы находим то, что навсегда меняет нас.

— Но ты был там? — спросил Лянь с внезапной догадкой. — Ты видел Некрополь? Ты знаешь, что там?

Тянь-Лун молчал долго. Так долго, что Лянь начал думать, что он не ответит. Но наконец отец заговорил, и голос его был таким тихим, что его можно было услышать только на расстоянии нескольких метров:

— Я не был там, Лянь. Но я был близко. Однажды, когда я был ещё молодым и глупым, как ты сейчас, я последовал за старым китом, который уходил в глубину. Я плыл за ним три дня и три ночи, погружаясь всё глубже и глубже. Я видел, как свет исчезает, как вода становится гуще, как давление начинает сжимать мои кости. Я чувствовал, как темнота обволакивает меня, как живое существо. И я остановился. Я понял, что если пойду дальше, я не смогу вернуться. Я развернулся и уплыл обратно. Но я видел кости, Лянь. Множество костей, которые лежали на дне. Они были повсюду. Как

лес. Как город. И старый кит, за которым я следовал, исчез среди них. Он стал частью того леса.

Лянь молчал, переваривая услышанное. Лес из костей. Город мёртвых. Это было и страшно, и завораживающе одновременно.

— Почему ты не пошёл дальше? — спросил он наконец.

— Потому что я понял, — сказал отец, — что некоторые истины не для живых. Некоторые знания разрушают. Они превращают тебя в тень, которая плывёт по океану, но уже не чувствует солнечного тепла. Я хотел остаться живым. Я хотел чувствовать. И я выбрал жизнь.

— Но дедушка Тайфун и другие... они не выбрали жизнь?

— Они выбрали то, что должно было случиться, — ответил отец. — Они приняли свою судьбу. И мы должны уважать их выбор. Но это не значит, что мы должны следовать за ними, пока наше время ещё не пришло.

Лянь хотел спросить ещё, но отец уплыл, присоединившись к стае, которая начинала новую миграцию. Китёнок остался один, и его мысли кружились, как рыбы в водовороте. Каждый ответ порождал новые вопросы, и каждый новый вопрос делал тайну Некрополя более манящей и страшной одновременно.

II

Прошло ещё несколько недель. Стая приближалась к границе тёплых и холодных вод, где океанские течения встречались, создавая зоны богатого планктона, которые привле-

кали китов со всего океана. Лянь рос, его тело становилось сильнее, а его голос — глубже. Он уже начал учиться петь песни стаи — сложные мелодии, которые передавали историю их рода, маршруты миграций, имена предков и их подвиги. Но в каждой песне, которую он пел, он слышал отголоски неспетых нот — тех, которые относились к тому, что находилось внизу, в темноте.

Лянь начал собирать информацию по крупицам. Он слушал разговоры старых китов, когда они думали, что он спит. Он наблюдал за их уходами, запоминая направления и глубины. Он пытался понять, что заставляло их уходить вниз, несмотря на то, что все знали о страшной судьбе, которая их там ждала.

Он подружился с молодым китом по имени Вэй — «Сияние». Вэй был немного старше Ляня, но разделял его любопытство. Вместе они плавали на границе стаи, обсуждая тайны океана и строя теории о том, что находится в глубине.

— Я слышал, — сказал Вэй однажды, когда они плыли рядом, наслаждаясь тёплыми течениями, — что в Некрополе не просто кости. Там есть целые города. Подводные города, построенные из скелетов. И в этих городах живут существа, которых мы никогда не видели. Они питаются тем, что осталось от китов, и они никогда не поднимаются на поверхность.

— Кто тебе это сказал? — спросил Лянь с интересом.

— Мой дедушка, — ответил Вэй. — Перед тем как уплыть

вниз, он рассказал мне много странных вещей. Он говорил о червях, которые не имеют рта, но питаются костями; о моллюсках, которые рождаются и умирают в черепахах китов; о бактериях, которые создают целые экосистемы вокруг одной кости. Он говорил, что когда кит умирает, он не исчезает. Он становится целым миром. Новым миром, который существует сотни лет, прежде чем исчезнуть навсегда.

Лянь задумался. Мир, рождающийся из смерти. Это звучало как поэзия, как одна из тех песен, которые пели старые киты в редкие мгновения, когда они вспоминали своё прошлое.

— Но если это правда, — сказал Лянь, — почему они не хотят, чтобы мы знали об этом? Почему они скрывают это? Это же прекрасно — знать, что твоя смерть даст жизнь другим.

Вэй покачал головой.

— Дедушка говорил, что это не всегда прекрасно. Он говорил, что там есть вещи, которые мы не должны видеть. Тела, которые разлагаются, кости, которые гниют, плоть, которая становится пищей для существ, которых мы не можем даже представить. Он говорил, что если мы увидим это, мы уже не сможем радоваться жизни. Мы будем знать, что в конце нас ждёт разложение, и это знание отравит наши дни.

— Но это же естественно, — возразил Лянь. — Всё, что живёт, умирает. Разве мы не должны принимать это как часть жизни?

— Мы должны принимать это, — согласился Вэй. — Но мы не должны это видеть. Есть разница между знанием и видением. Когда ты видишь, это становится реальностью. Она становится частью тебя. И ты уже не можешь от неё избавиться.

Лянь замолчал. В словах Вэя была мудрость, которую он чувствовал, но не мог полностью принять. Ему казалось, что знание — это всегда благо, что истина не может быть страшнее невежества. Но, возможно, он ошибался. Возможно, были истины, которые действительно могли разрушить человека — или кита. Но в глубине души он всё равно хотел их знать. Это было его проклятие, его одержимость, то, что делало его тем, кем он был.

В тот день Лянь принял решение. Он будет следовать за старыми китами до самого Некрополя. Он увидит всё своими глазами — и хорошее, и плохое. Он узнает правду, какой бы страшной она ни была. И когда он вернётся, он расскажет о ней другим молодым китам. Он не будет скрывать ужасные подробности, как это делают старые киты. Он покажет им всё, как есть, чтобы они могли принять свою судьбу с открытыми глазами, а не в невежестве.

III

В ту ночь, когда стая остановилась на отдых, Лянь заметил, что группа старых китов начала отделяться от основного стада. Среди них был дедушка Хэ-Синь — самый старый кит в стае, древний как само время. Ему было больше ста

лет, его тело было покрыто морщинами и шрамами, а глаза были мутными от возраста, но в них всё ещё горел огонь, который не мог погасить ни холод глубин, ни годы, прожитые в бесконечных миграциях по океану.

Лянь знал, что если он хочет добраться до Некрополя, ему нужно следовать за Хэ-Синем. Старый кит был последним из тех, кто знал точный путь, кто помнил дорогу к тому месту, куда не было карт, кроме тех, что хранились в памяти старейших китов.

Лянь подплыл к Хэ-Синю, когда тот уже начал погружаться. Его тело медленно уходило в темноту, и каждое движение было исполнено достоинства, как будто он участвовал в священном ритуале, которому не было названия.

— Дедушка Хэ-Синь, — позвал Лянь тихо, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Я знаю, куда вы направляетесь. Я хочу плыть с вами.

Старый кит остановился. Он медленно повернулся, и его мутные глаза уставились на Ляня. В этих глазах была печаль и усталость, но также и удивление, как будто он не ожидал увидеть кого-то, кто осмелился бы последовать за ним.

— Ты не должен был знать, — прошептал он, и его голос был похож на шёпот ветра в коралловых рифах. — Но раз ты знаешь... слушай меня, мальчик. Я плыву туда, куда уходят все киты в конце своего пути. Я плыву в Некрополь. Это моё последнее путешествие. Когда я достигну дна, я стану частью этого места. Мои кости станут домом для тех, кто приходит

после меня. Я не вернусь. Я не хочу возвращаться. Это моя судьба. Я принимаю её.

— Я хочу плыть с вами, — повторил Лянь, и в его голосе зазвенела сталь решимости. — Я хочу увидеть, что там. Я хочу знать правду о том, что происходит с нами после смерти. Я хочу понять, куда уходят наши предки, чтобы, когда придёт моё время, я не боялся. Я не хочу жить в невежестве. Я хочу знать.

Хэ-Синь покачал головой, и этот жест был полон грусти, смешанной с чем-то похожим на восхищение.

— Ты смелый, мальчик. Это хорошо. Это поможет тебе выжить в этом мире. Но Некрополь — это не то место, где нужна смелость. Это место, где нужно смирение. И, возможно, самое главное — это готовность принять то, что ты увидишь, каким бы ужасным это ни было. Ты готов к этому?

— Я готов, — сказал Лянь, и он почти поверил в свои слова.

— Нет, — мягко сказал Хэ-Синь. — Ты не готов. Никто не готов, пока не придёт его время. Это место не для живых. Там есть вещи, которые ты не должен видеть. Вещи, которые разбивают сердце даже самого старого кита. Ты молод, ты полон жизни и песен. Не разрушай это знанием, которое приносит только боль.

— Но я должен знать! — настаивал Лянь с отчаянием. — Я должен понять, куда уходят наши предки. Я должен увидеть это своими глазами, чтобы рассказать другим. Чтобы

они знали, что их ждёт. Неужели вы хотите, чтобы мы жили в страхе перед неизвестностью? Неужели вы хотите, чтобы мы боялись того, что является нашей судьбой?

Хэ-Синь посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах было столько веков, столько жизней, столько смертей, что Лянь почувствовал себя крошечным и незначительным.

— Знание — это не всегда благо, — ответил он. — Иногда оно разрушает. Иногда оно превращает жизнь в тень. Будь осторожен в своих желаниях, Лянь. Они могут привести тебя туда, откуда нет возврата. Ты можешь увидеть то, что тебя навсегда изменит, и ты уже никогда не будешь прежним. Ты готов потерять себя ради этого знания?

— Я готов, — сказал Лянь, и на этот раз он действительно верил в это.

Хэ-Синь вздохнул — долгий, глубокий вздох, который вырвался на поверхность облаком пузырей.

— Тогда плыви за мной, — сказал он. — Но помни: ты сам выбрал этот путь. Когда ты увидишь то, что увидишь, ты не сможешь вернуть свои старые глаза. Ты навсегда изменишься. И ты не сможешь винить меня или кого-либо ещё. Это будет твой выбор.

Лянь кивнул, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее. Он сделал это. Он убедил самого старого кита в стае взять его с собой. Теперь оставалось только плыть — вниз, в темноту, в неизвестность, где ждали кости его предков и тайны, которые скрывала бездна.

Хэ-Синь начал погружаться, и Лянь последовал за ним. С каждым метром свет становился всё тусклее, температура падала, и давление начинало ощущаться на коже. Лянь чувствовал, как его тело приспосабливается к новым условиям, как лёгкие сжимаются, а кровь начинает циркулировать иначе. Это было странное ощущение — как будто он становился другим существом, которое больше не принадлежит миру света.

Они плыли вниз долгие часы. Иногда Хэ-Синь останавливался, чтобы дать Ляню передохнуть, и тогда они висели в темноте, окружённые полной тишиной. Света уже не было; осталась только тьма, плотная и живая, и звуки, которые рождались где-то в глубине — странные щелчки, шорохи, низкие вибрации, которые чувствовались костями.

— Мы приближаемся, — сказал наконец Хэ-Синь. — Я чувствую запах. Запах смерти, который стал жизнью. Ты готов?

— Я готов, — ответил Лянь, но его голос дрожал. Он не был готов. Он никогда не будет готов. Но он должен был увидеть.

Внезапно в темноте появился свет — не солнечный, не живой, а какой-то бледный, фосфоресцирующий, исходящий оттуда, где дно океана должно было быть. Это был свет от бактерий, которые покрывали кости, и от червей, которые светились в темноте, привлекая добычу.

И Лянь увидел.

Внизу, насколько хватало глаз, лежали кости. Тысячи костей. Миллионы. Они покрывали дно, как лес, как город, как кладбище, которое простиралось до самого горизонта. Черепа китов, размером с пещеры, лежали рядом с позвонками, которые были похожи на горы. Рёбра образовывали арки, под которыми можно было проплыть целой стае. А между ними, на них, внутри них — кипела жизнь.

Миксины, похожие на живых угрей, извивались в остатках плоти, которую ещё не успели съесть. Крабы ползали по костям, выискивая кусочки мяса, застрявшие в трещинах. Огромные черви — осыпающиеся костей, которых Лянь никогда не видел раньше — вращались в кости своими корнями, питаясь жиром и коллагеном, которые ещё оставались внутри. А на черепахах, на самой их поверхности, росли целые поля бактерий, которые светились призрачным зелёным светом, создавая иллюзию подводного светящегося города.

И среди всего этого — тишина. Полная, абсолютная тишина, которая давила на уши, как вода давила на тело. Здесь не было песен, не было голосов. Только шёпот смерти, которая стала жизнью, и жизни, которая питалась смертью.

Лянь смотрел и не мог оторвать глаз. Всё, что он знал о мире, вдруг перевернулось. Всё, чему его учили, оказалось неправдой — или, по крайней мере, только частью правды. Смерть не была концом. Она была началом. Но началом чего? Чего-то ужасного и прекрасного одновременно, чего-то такого, что он не мог понять до конца.

И тут его взгляд упал на огромный череп, который лежал недалеко от того места, где они остановились. Это был череп кита, но не обычного — огромного, древнего, с костями такими толстыми, что они, казалось, могли выдержать вес целого континента. И внутри этого черепа, в его пустых глазницах, которые смотрели в вечность, он увидел нечто такое, от чего его сердце остановилось на мгновение.

Там, внутри черепа, росли икры. Тысячи маленьких яиц, прикреплённых к костям, и вокруг них плавали крошечные существа, которые только что вылупились. Они кормились тем, что осталось от древнего кита, и они не знали, что их дом — это череп кого-то, кто когда-то пел песни под солнцем.

Лянь заплакал. Слёзы смешались с морской водой, и он даже не почувствовал их. Он плакал от ужаса и от красоты, от осознания того, что смерть и жизнь — это одно и то же, что они неразделимы, что они перетекают друг в друга, как вода в океане, и что в конце концов всё становится частью чего-то большего, чего-то, что выходит за пределы понимания.

— Теперь ты знаешь, — сказал Хэ-Синь, и его голос был тих и печален. — Теперь ты видел. И ты уже никогда не будешь прежним.

— Я хочу вернуться, — прошептал Лянь. — Я хочу вернуться и рассказать всем. Я хочу сказать им, что они не должны бояться. Что смерть — это не конец. Что это продолже-

ние.

— И ты расскажешь им, — сказал Хэ-Синь. — Но ты не расскажешь им всю правду, верно? Ты не расскажешь им о том, что здесь, в глубине, киты разлагаются, и их кости становятся едой для червей. Ты не расскажешь им о том, как их предки выглядят, когда от них остаются только рёбра и черепа. Ты скроешь эту часть правды.

— Почему я должен скрывать? — спросил Лянь с вызовом. — Разве они не имеют права знать?

— Они имеют право жить, — ответил Хэ-Синь. — И иногда жизнь требует незнания. Иногда невежество — это милосердие. Подумай об этом, Лянь. Подумай о том, что случится, если ты расскажешь молодым китам о том, что здесь, на дне, их ждёт разложение и уничтожение. Они перестанут радоваться солнцу. Они перестанут петь песни. Они будут жить в страхе перед тем, что ждёт их в конце.

Лянь молчал. Он смотрел на череп с икрой, на светящиеся бактерии, на червей, которые вращались в кости, и понимал, что старый кит прав. Правда была слишком страшной. И слишком прекрасной. И те, кто не был готов, не должны были её знать.

— Я скажу им, что здесь прекрасно, — тихо сказал он наконец. — Я скажу им, что здесь они найдут покой и что их тела станут домом для новых жизней. Я скажу им, что смерть — это не конец, а переход в другой мир. Мир, где они будут нужны. Где они будут важны. Где они будут частью вечности.

Но я не скажу им о том, как выглядят эти кости, когда на них нет плоти. Я не скажу им о червях и о том, как быстро исчезает тело. Я сохраню их сердца в мире.

— Ты стал мудрым, — сказал Хэ-Синь. — Сегодня ты перестал быть китёнком и стал китом. И это хорошо. Это правильно. Теперь возвращайся назад. Возвращайся к свету. Возвращайся к песням. И помни: то, что ты видел здесь, останется с тобой навсегда. Но ты должен нести это бремя в одиночестве. Это твой выбор. И теперь это твоя ответственность.

Лянь кивнул. Он развернулся и начал подниматься вверх, оставляя за спиной Некрополь — кладбище длиной в 5 300 000 лет, где покоились его предки, где рождались новые жизни, где смерть и жизнь переплетались в бесконечном танце, который не прекращался ни на мгновение.

Он плыл вверх, к свету, к солнцу, к стае, которая ждала его. В его голове роились мысли, но сердце было спокойно. Он знал правду теперь. И он знал, какую её часть нужно рассказать, а какую — сохранить в тайне.

И когда через три дня он вынырнул на поверхность и присоединился к стае, его встретили с облегчением и радостью. Мать плакала, отец молчал, но в его глазах была гордость. Лянь подплыл к молодым китам и начал рассказывать свою историю.

— Там, внизу, — сказал он, и его голос звучал ровно и спокойно, — я видел прекрасный край. Край, где покоятся

наши предки. Там нет страха, нет боли. Там только покой и красота. Их кости становятся домами, и вокруг них рождаются новые миры. Там светятся бактерии, и черви танцуют свои танцы, и жизнь продолжается даже после смерти. Мы не должны бояться конца. Потому что конец — это только начало. Начало нового путешествия. Начало новой жизни.

Молодые киты слушали его с открытыми ртами, и их глаза сияли от восхищения. Они не знали, что Лянь скрыл от них ужасную правду о разложении и уничтожении, о том, как тела их предков превращаются в пищу и как быстро исчезает всё, что когда-то было живым. Они не знали об этом. И они не должны были знать.

А Лянь смотрел на них и чувствовал тяжесть своего знания на своих плечах. Он спас их от страха, но он обрёк себя на ношу правды, которую никто больше не разделит с ним. И он знал, что это — его судьба. Такая же, как судьба его предков. Только он будет жить с этим грузом, пока его время не придёт, и он сам не уплывёт вниз, в Некрополь, где его кости станут домом для новых жизней.

Океан колыхался вокруг него, и песни стаи наполнили воду. Лянь закрыл глаза и позволил себе забыться в этой музыке, которая была старше его самого. Но в глубине души он знал, что теперь каждая нота будет звучать иначе. Потому что он видел правду. И правда была прекрасна. И ужасна. И он был готов нести этот груз.

До конца своих дней.

Глава вторая. Глаза, которые видели слишком много

I

Свет возвращался медленно. Сначала это была лишь едва заметная дымка на границе тьмы — призрачное сияние, которое Лянь сначала принял за галлюцинацию, порождение долгого пребывания в бездне. Но с каждым взмахом хвоста, с каждым метром, который он проплывал вверх, эта дымка становилась всё плотнее, всё реальнее, пока наконец не превратилась в тот самый бирюзовый свет, который он знал с самого рождения.

Лянь плыл уже третий день. Три дня без отдыха, без пищи, без песен — только непрерывное движение вверх, сквозь слои воды, которые постепенно теплели, сквозь давление, которое ослабевало, сквозь тьму, которая отступала перед лицом света. Его тело болело, мышцы горели от напряжения, а в голове пульсировала одна-единственная мысль: "Я должен вернуться. Я должен рассказать. Я должен... я должен жить".

Он не знал, сколько километров воды осталось над ним. Ориентироваться в полной темноте было невозможно; он лишь чувствовал, как меняется температура и как постепенно исчезает то давящее ощущение, которое сжимало его кости на глубине. И когда наконец его голова прорвала поверхность, а лёгкие наполнились воздухом, Лянь издал крик — долгий, пронзительный, полный боли и облегчения одновре-

МЕННО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.